

Vasil'jeva, Jelena Anatol'jevna

**Философская проблематика повести "Котлован" А. Платонова
через призму "детских" рассказов писателя**

Opera Slavica. 2010, vol. 20, iss. 3, pp. 26-33

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116827>

Access Date: 18. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОВЕСТИ «КОТЛОВАН» А. ПЛАТОНОВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ «ДЕТСКИХ» РАССКАЗОВ ПИСАТЕЛЯ

Елена Анатольевна Васильева (Градец-Кралове)

Абстракт:

В статье осуществляется подход к анализу произведения А. Платонова «Котлован» через «детские» рассказы писателя, в которых выкристаллизовалась авторская концепция в чистом виде, выраженная в идеях «жизни со всеми и для всех», самоценности человеческой личности. Через сопоставление «детских» рассказов А. Платонова с повестью «Котлован» раскрывается вся глубина трагедии инверсированного, богооставленного мира, изображенного в повести.

Ключевые слова: А. Платонов, «детские» рассказы, «Котлован», идея «жизни со всеми и для всех».

Abstract:

The paper implements the analysis of Andrei Platonov's literary work „The Foundation Pit“ based on the author's „children's“ stories, used to crystallize out the author's concept in all its purity, and expressed in the ideas of „living with all and for all“, „a man in the fierce and beautiful world“. The comparison of the „children's“ stories with „The Foundation Pit“ novella, discovers all the depth of the tragedy of the inverted, God-abandoned world, depicted in the novella.

Keywords: Andrei Platonov, „children's“ stories, „The Foundation Pit“, idea of „living with all and for all“.

Многолетняя школьная практика показала, что изучение повести «Котлован» А. Платонова становится большой проблемой как для преподавателя, так и для студентов. Это обусловлено как сложностью философской проблематики произведения, так и необычностью языка и художественных приемов писателя.

Результатом поиска методических подходов к изучению этого произведения стал путь от простого к сложному, от «детских» рассказов писателя к повести «Котлован».

Необходимо оговорится, что подразумевается под «детскими» рассказами писателя. Это рассказы, традиционно предлагаемые для изучения

в российских школах, часто их героями являются дети¹. Тщательное изучение существующих программ по литературе помогло нам отобрать те произведения, короткие рассказы писателя, которые могли бы стать ключом к пониманию авторской концепции. Мы выбрали для сравнения рассказы «Никита», «Сухой хлеб», «Юшка», «Житейское дело («Следом за сердцем»)), «Возвращение».

На взаимосвязь произведений писателя, целостный контекст его творчества указывали ученые-платоноведы: Л. А. Шубин, Н. В. Корниенко, Е. Толстая-Сегал, Н. М. Малыгина и др. В творчестве писателя «повторялась одна модель: формируется идея романа, делается первая проба, затем идет разработка романной идеи, в самых разных формах. [...] В романе (будь то «Чевенгур» или «Счастливая Москва») узнаются и мотивы, и контуры персонажей рассказов и повестей»². Мысль Н. В. Корниенко особо ценна для нас, ею мы обосновываем принцип системного целостного изучения творчества писателя как единого контекста с общими идеями, образамисимволами, принципами построения композиции и сюжета произведений.

Отсюда нам видится возможным через сравнение небольших рассказов с повестью «Котлован» наметить лишь некоторые пути понимания сложной философской проблематики произведения.

Основой для сопоставления служат концептуальные идеи творчества писателя, объединяющие собой весь художественный мир А. Платонова³.

Конечно, в пределах небольшой статьи невозможно раскрыть всю глубину и сложность художественного мира писателя. Мы остановимся лишь на некоторых концептуальных идеях его творчества и постараемся показать инверсированность пространства, изображенного в «Котловане».

«Жизнь со всеми и для всех». Взаимосвязь всего во Вселенной, реализуемая через единство труда, любви и памяти. Как эта идея воплощается в «детских» рассказах писателя и в повести «Котлован»?

Установленный факт, что на философские взгляды писателя оказало огромное влияние учение Н. Ф. Федорова, философа-космиста. Эту точку зрения на творчество А. Платонова наиболее последовательно развивает

¹ См.: ВАСИЛЬЕВА, Е.: Символ детства в поэтике А. Платонова. In: ROSSICA OLOMUCENSIA XLVIII. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XX. Olomoucké dny rusistů – 2. 9. – 4. 9. 2009. Olomouc 2009.

² КОРНИЕНКО, Н. В.: Повествовательная стратегия в свете текстологии. In: «Страна философов» А. Платонова: проблемы творчества. Вып. 2. Москва 1995, с. 335.

³ На общность концептуальных идей, объединяющих художественный мир писателя, указывали Н. В. Корниенко, Н. М. Малыгина и др. ученые. Ср.: МАЛЫГИНА, Н. М.: Художественный мир А. Платонова. Учебное пособие. Москва 1995, с. 90.

в своих работах С. Семенова, разделяют ее В. Васильев, а также другие исследователи.⁴ «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова была любимой книгой писателя. Н. Ф. Федоров провозглашает: «Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех; это и есть объединение живущих (сынов) для воскрешения умерших (отцов)».⁵ Эта мысль реализуется во всех произведениях писателя, становится концептуальной идеей его творчества. А. Платонов пишет: «*Человечество – одно дыхание, одно живое теплое существо. Больно одному – больно всем. Умирает один – мертвают все*».⁶ Идея единства человечества красной нитью проходит через все творчество писателя. В рассказах о войне «Одухотворенные люди» есть сцена, где красноармеец склоняется над телом неродной, но и не чужой матери. «– Спи с миром, – сказал красноармеец на прощанье. – Чьей бы ты матерью не была, а я без тебя тоже остался сиротой».⁷

Взаимосвязь всего во Вселенной реализуется через единство труда, любви и памяти. **Трудом** в платоновском художественном мире измеряется мера любви к человеку. «*Давай все трудом работать, и все живые будут*», – заявляет Никита, герой одноименного рассказа. Митя, герой рассказа «Сухой хлеб», работает в поле один, на предложение учительницы пойти на экскурсию в лес с ребятами он отвечает: «*Я маму все время люблю, мне работать не скучно. Хлеб помирает, нам некогда*» (А. Платонов «Сухой хлеб»). Благо всех людей во имя матери ребенок ставит выше своего. Преодоление эгоцентризма, свойственного возрасту раннего детства, и выход к горизонту всех людей, осознание «жизни со всеми и для всех», процесс изменения ребенка под влиянием матери и отца в «одухотворенную» личность – это движение интересует писателя.

В повести «Котлован» мастеровые трудятся до смертельного изнеможения. Это жизнь на грани смерти. «Живые мертвецы», «люди-винтики», нерассуждающие, недумаящие, – такими рисует писатель строителей дома будущего. В их образах звучит мотив пустоты, бездумного «механического» труда, иссушающего душу. «*Все спящие были худы, как умершие, тесное место меж кожей и костями у каждого было занято жилами, и по толщине жил было видно, как много крови они должны пропускать во время напряжения труда. Ситец рубах с точностью передавал медленную освежающую работу сердца – оно билось вблизи, во тьме опустошенного*

⁴ См.: СЕМЕНОВА, С.: «Идея жизни» у Андрея Платонова. In: Москва, 1988, № 3; ВАСИЛЬЕВ, В. В.: Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. Москва 1982.

⁵ КУЗЬМЕНКО, О. А.: Андрей Платонов: призвание и судьба. Очерк творчества. Киев 1991, с. 34.

⁶ ЧАЛМАЕВ, В. А.: Андрей Платонов. К сокровенному человеку. Москва 1989.

⁷ ПЛАТОНОВ, А.: Собрание сочинений: в 3 т. Москва 1985, т. 3, с. 108–109.

тела каждого уснувшего. Вощев всмотрелся в лицо ближнего спящего – не выражает ли оно безответного счастья удовлетворенного человека. Но спящий лежал замертво, глубоко и печально скрылись его глаза, и охладевшие ноги беспомощно вытянулись в старых рабочих штанах. Кроме дыханья, в бараке не было звука, никто не видел снов и не разговаривал с воспоминаниями, – каждый существовал без всякого излишка жизни, и во время сна оставалось живым только сердце, берегущее человека»⁸. Положив огромное количество сил, строители не возвели даже фундамента дома, а котлован стал могилой для Насти.

«Жизнь со всеми и для всех» невозможна без **любви**. Любовь в контексте творчества писателя помогает преодолеть сиротство. Юшка («Юшка») дарит свою любовь девочке-сироте, он ее взрастил и выучил. После смерти Юшки она возвращается в город, где он жил. Девушку-доктора называют «дочерью доброго Юшки». Евдокия Гавриловна («Житейское дело» [«Следом за сердцем»]) становится матерью Алеше, сыну Антона Гвоздарева, несмотря на то, что она одна воспитывает троих дочерей.

В повести «Котлован» строители пытаются заменить семью девочке-сироте Насте. Но их мир пропитан классовой ненавистью, враждой. По словам М. Геллера «носители новой веры, пролетарии, выполняют две функции: работают и убивают врагов» [Геллер 1982: 274].

Концентрация классовой ненависти выражена в образе медведя-молотобойца. Прием реализации метафоры, переходящей в гротеск, видим мы в образе медведя-молотобойца. В этом мифологическом образе таится некая загадка, в разгадке которой, возможно, находится ключ к пониманию философской проблематики «Котлована». Обратимся к работам исследователей. Н. М. Малыгина видит в образе медведя не только «символ предельного порабощения», но и «существо во многом сродни Шарикову из «Собачьего сердца» М. А. Булгакова. В результате социального эксперимента «низшее» существо получает власть над чужой жизнью, оставаясь неспособным осознавать и контролировать свои действия» [Малыгина 1995: 28].

Авторы учебника «В мире литературы», выпущенного под ред. А. Г. Кутузова, считают, что в образе медведя-молотобойца по-своему отразилась марксистская догма: «Труд сделал обезьяну человеком».⁹

Н. В. Корниенко предлагает рассматривать образ медведя-молотобойца в библейском, мифологическом, литературном и фольклорном контекстах [Корниенко 1998: 41–61]. Е. Н. Проскурина, интерпретируя образ медведя,

⁸ <http://ilibrary.ru/text/1010/p.1/in>.

⁹ В мире литературы. 11 класс: Учебник для образовательных учреждений гуманитарного профиля. Под ред. А. Г. Кутузова. Москва 2004, с. 271.

приходит к следующим выводам: «Символическое отождествление медведя с сатаной связано с библейской традицией, где медведь есть образ «страшного» фантастического или даже апокалиптического зверя. Кроме того, в разных мифопоэтических традициях медведь выступает то как предок, звериный двойник человека, что объясняет дальневосточный ритуал его воспитания в семье, то в качестве помощника Творца Вселенной, поставленного наблюдать за жизнью людей, то как поверженное небесное существо, которому вверена власть карать грешников. [...] Все эти стороны мифопоэтической символики объединены Платоновым в загадочном персонаже – «медведе-молотобойце». [...] Власть определять судьбу обреченных кулаков (в соответствии с логикой мифа – «грешников») доверена активом колхоза медведю, которые собравшийся в кузне народ именует не иначе как «чертом», «домовым», «дьяволом», «идолом шерстяным», чем выявляется скрытый смысл этого персонажа в «Котловане» [Проскурина 2001: 54–57]. Итак, исследовательница усматривает в подтексте повести образ сатаны и картины ада, изображенные писателем.

Возможно, этим образом А. Платонов маркирует картины ада, изображенные в повести. Если любовь, преодолевающая враждебные силы энтропии, способна дать жизнь («Неизвестный цветок»), победить сиротство («Юшка»), то образ медведя-молотобойца – это полярная точка нелюбви – классовой ненависти.

В инверсированном мире все одиноки и несчастны. И хотя строители хотели воспитать девочку Настю, но не смогли «живые мертвецы» дать любовь ребенку, не смогли уберечь от враждебных сил. Сами являясь враждебной силой для ребенка, они извратили сознание маленького человека, убили живую душу в Насте. Ребенок пишет письмо Чиклину: *«Ликвидируй кулака как класс. Да здравствует Ленин, Козлов и Сафронов. Привет бедному колхозу, а кулакам нет»*. В этом документе нет ни одного детского слова, лишь мертвящие душу лозунги.

«Жизнь со всеми и для всех» неотделима от **памяти**, ибо память животворяща, ею соединяются поколения людей, любящие сердца.

В «Котловане» очевиден разрыв с духовными традициями прошлого, уничтожение памяти. Умиравшая мать («буржуйка») учит Настю: *«Никому не рассказывай, что ты родилась от меня, а то тебя заморят. Уйди далеко-далеко отсюда и там сама позабудься, тогда ты будешь жива...»* Настя обещает: *«Только я одна буду жить и помнить тебя в своей голове»*. Настя во спасение свое точно усваивает новые истины, в основе ее действий и речей лежит ложь. Перед смертью живое, настоящее проявляется в девочке. Заболевшая Настя в полузабытьи просится «опять к маме». В «детских» рассказах, напротив, любовь, память животворящи. Семилетний Митя Климов из рассказа «Сухой хлеб» представляет, что умершие отец и дедушка «умо-

рились – они спят в земле». Митя любит трогать «забытые предметы, спящие теперь в сумраке сарая»: дедушкин топор, соху, колесо от прялки, старую икону. Чтобы и мама «не уморилась» от тяжелых земных трудов, он хочет помогать ей, на что она отвечает: *«Живи, вот тебе работа. Думай о дедушке, думай об отце и обо мне думай»*. Память – единство всех живших и живущих.

В «Котловане» память об умерших проявляется в собирательстве Вошевым «предметов несчастья и безвестности». *«Он собирал в выходные дни всякую несчастную мелочь природы как документы беспланового создания мира, как факты меланхолии любого живущего дыхания»*. *«Он собрал по деревне все нищие, отвергнутые предметы, всю мелочь безвестности и всякое беспамятство – для социалистического отомщения. Эта истершаяся терпеливая ветхость некогда касалась батрацкой, кровной плоти, в этих вещах запечатлена навеки тягость согбенной жизни, истраченной без сознательного смысла и погибшей без славы где-нибудь под соломенной рожью земли»*.

Так реализуется в повести сокровенная платоновская мысль о воскрешении умерших, основанная на «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова.

Эта же мысль лежит в основе разговора между Чиклиным и Прушевским:

«– Прушевский! Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сопревших людей?»

– Нет, – сказал Прушевский.

– Врешь, – упрекнул Жачев, не открывая глаз. Марксизм все сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет – воскреснуть хочет».

Итак, память живет лишь в душе Вошева, причиняя страдания, т.к. память – поиск утраченной истины, способной воскресить умерших. Память в «Котловане» – не животворяща, она статична. Это «музей» умершего вещества, ждущего воскресения.

Таким образом, идея «жизни со всеми и для всех» в платоновском творчестве реализуется через единство 3-х составляющих: труда, любви и памяти. В хронотопе «Котлована» А. Платонов представляет инверсированный вариант этой концептуальной идеи.

В «детских» рассказах писателя звучит мысль о **неповторимости, самоценности личности**. Это еще одна концептуальная идея творчества писателя. *«А без меня народ неполный»*, – утверждает Петр Савельич («Жена машиниста»). Кроткий Юшка возражает обидчику: *«Я жить родителями поставлен, я по закону родился, я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя»* («Юшка»). Это его ответ на попытку покушения на саму жизнь, вызванную желанием прохожего рассудить по своему

разумению, кто в этой жизни «годный», а кто «негодный». Вслед за М. Ф. Достоевским А. Платонов говорит об изначальной целесообразности, ценности любой человеческой жизни, неповторимости присутствия на свете всякого человека: «...а по надобности мы все равны» («Юшка»).

В «Котловане» утрачено представление о неповторимости личности, сокровенности бытия. В строителях убиты память, желание думать, искать истину («истина – классовый враг»), а в конечном счете – желание жить.

Только жизнь, подчиненная идее, целесообразна. Товарищ Пашкин внушает рабочим: «Социализм обойдется и без вас, а вы без него проживаете зря и помрете». Смерть человека не осмысливается как трагедия. Чиклин говорит: «Ты скончался, Сафронов! Ну и что же? Все равно я ведь остался, буду теперь как ты... ты вполне можешь не существовать». Это еще одно свидетельство утраты понимания ценности человеческой жизни, душевного оскудения.

Самоценна и самодостаточна жизнь любого существа в этом мире, потому диссонансом звучит утверждение Чиклина: «Я ничто, у нас партия – вот лицо». Обезличивание людей рисует Платонов в повести «Котлован». Вместо «одухотворенных людей» перед нами люди с «пустыми сердцами», даже Вошев в итоге поддается «формовке» среды: теряет душу, убивая активиста, и обретает «счастье». Таков печальный итог поиска истины в инверсированном мире. Думающий герой, ищущий истину на протяжении всей повести, обретает «счастье» в убийстве.

При сопоставлении «прозрения» Вошева с прозрением Иванова («Возвращение») выявляется вся чудовищная сущность богооставленного мира. Иванов, вернувшись с войны домой, узнает об измене жены. Не в силах простить измену, он принимает решение навсегда оставить семью, дом, своих детей. Однако именно дети, бегущие за поездом, помогают «прозреть» Иванову, преодолеть эгоизм и вернуться, остро почувствовать, как он нужен семье. «Он (Иванов. – Е. В.) узнал вдруг все, что знал прежде, гораздо точнее и действительней. Прежде он чувствовал другую жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем» [Платонов 1979: 400]

Тонко описывает Платонов момент перерождения героя. Обретение себя, истинных ценностей (дома, семьи) происходит, безусловно, под влиянием света Христова, «который просвещает всякого человека, проходящего в мир» (от Иоанна 1: 9–10), а так называемое «счастье», происходящее от материализма, разоблачено А. Платоновым с убедительной силой повестью «Котлован».

Трагические последствия утраты общечеловеческих ценностей, перевернутый мир без будущего, мир, отрекшийся от Бога, изображает А. Платонов в повести «Котлован».

Литература:

- ГЕЛЛЕР, М.: *Платонов в поисках счастья*. Париж, 1982, с. 274.
- КОРНИЕНКО, Н. В.: *Платонов. Русская литература XX века*. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учебных заведений. В 2 частях, ч. 2. Под ред. В. В. Агеносова. Москва 1998, с. 41–61.
- МАЛЫГИНА, Н. М.: *Художественный мир Андрея Платонова. Учебное пособие*. Москва 1995, с. 28.
- ПРОСКУРИНА, Е. Н.: *Поэтики мистереальности в прозе Андрея Платонова конца 20-х–30-х годов (на материале повести «Котлован»)*. Новосибирск, 2001, с. 54–57.
- ПЛАТОНОВ, А. П.: *В прекрасном и яростном мире. Повести. Рассказы*. Ленинград 1979, с. 400.